

*Н.П. Таньшина**

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ДИАЛОГ В ГОДЫ ОККУПАЦИИ ФРАНЦИИ СОЮЗНЫМИ ВОЙСКАМИ. 1814–1818 гг.

Статья посвящена политике российских властей во Франции в период оккупации королевства в 1814–1818 гг. союзными войсками антинаполеоновской коалиции. Оккупация стала тяжелейшим испытанием для страны, поднявшейся за годы правления императора Наполеона на небывалую высоту и достигшей колоссальной славы. В центре внимания автора статьи — деятельность графа Ш.-А. Поццо ди Борго, герцога Э.О. Ришельё и генерала Л.В. Рошешуара. Все они были связаны как с Россией, так и с Францией. Несмотря на то что герцог Ришельё и генерал Рошешуар, вернувшись на родину и будучи подданными французского короля, в годы Реставрации действовали от имени и во имя Франции, а корсиканец граф Поццо ди Борго, являясь послом Российской империи во Франции, защищал российские интересы, их действия были согласованными и солидарными, что было связано с совпадением интересов двух стран в первые годы после окончания Наполеоновских войн.

Ключевые слова: русско-французские отношения, оккупация Франции 1814–1818 гг., режим Реставрации, Александр I, Людовик XVIII, Ш.-А. Поццо ди Борго, Э.О. Ришельё, Л. В. Рошешуар

DOI 10.32608/0235-4349-2018-1-51-218-239

Россия не только внесла решающий вклад в разгром Первой империи, но и способствовала скорейшему возрождению Франции, выступив против ее превращения во второстепенную державу и за сохранение ею сильных позиций в Европе. Император Александр I считал, что для стабильности Европы и европейского равновесия нужна сильная и миролюбивая Франция. Можно утверждать, что именно России Франция в значительной степени

** Наталья Петровна Таньшина, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор кафедры Всеобщей истории Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры новой и новейшей истории МПГУ.*

Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 – 2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

обязана восстановлением своих позиций и скорейшим освобождением от иностранных войск¹. Очень многое для достижения этой цели сделало следующее трио политиков: граф Ш.-А. Поццо ди Борго, герцог Э.О. Ришельё и генерал Л.В. Рошешуар.

Шарль-Андре (или на русский манер Карл Осипович) Поццо ди Борго был корсиканцем и кровным врагом другого корсиканца – Наполеона Бонапарта. С 1804 г. Поццо ди Борго находился на русской службе, а в 1814-1834 гг. возглавлял посольство России во Франции².

Арман Эмманюэль (по-русски – Эммануил Осипович) дю Плесси, 5-й герцог Ришельё приходился внучатым племянником великому кардиналу. Во время Французской революции он эмигрировал в Россию, где двенадцать лет занимал пост губернатора Одессы и Новороссийского края. В сентябре 1815 г. герцог Ришельё возглавил французское правительство.

И наконец, еще один бывший французский эмигрант, тоже успевший послужить Александру I, генерал Луи Виктор Леон де Рошешуар, племянник Ришельё и его приемный сын, в 1815 г. стал военным комендантом Парижа.

Судьбы всех троих оказались теснейшим образом переплетены с историей как России, так и Франции. Ришельё и Рошешуар, вернувшись на родину после крушения Наполеона, изо всех сил содействовали возрождению своей страны и скорейшему прекращению ее оккупации, для чего активно использовали связи, приобретенные на русской службе. Оставшийся подданным России Поццо ди Борго был убежденным сторонником русско-французского сближения. Хотя князь Ш.-М. Талейран и утверждал, будто бы главным мотивом действий Поццо была «корсиканская ненависть»³, эта ненависть носила не разрушительный, а созидательный характер. Корсиканец многое сделал для того, чтобы

¹ Подробнее см: *Рэй М.-П.* Александр I. М., 2013; *Она же.* 1814. Царь в Париже. М., 2017; *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807-1814. М., 2012; Европейская дипломатия и международные процессы эпохи Наполеоновских войн. М., 2012; *Sédouy J.-A., de.* Le Congrès de Vienne, l'Europe contre la France. P., 2003; *Idem.* Le concert européen. Aux origines de l'Europe (1814-1914). P., 2009; *Histoire de la diplomatie française.* P., 2005.

² См.: *Vergé-Franceschi M.* L'ennemi juré de Napoléon. P., 2016; *Таньшина Н.П.* Карл Осипович Поццо ди Борго // *ВИ.* 2008. № 4; *Она же.* Граф Ш.-А. Поццо ди Борго: корсиканец на русской службе // *Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран.* Электронное издание. Материалы ежегодной научной сессии кафедры новой и новейшей истории. М., 2017. С. 26-40.

³ *Memoires et correspondances du prince de Talleyrand.* P., 2007. P. 734.

Франция сохранилась как великая держава, чтобы на ее престол взошли Бурбоны, а условия мирного договора и оккупации оказались наименее болезненными.

В основу статьи легли следующие документы. Позиция графа Поццо ди Борго отражена в его донесениях из Парижа графу К.В. Нессельроде, императору Александру I и И. Каподистрии⁴, а также в его переписке с Нессельроде за 1815-1818 гг.⁵ Письма Ришельё представлены в его биографии, изданной во Франции на исходе XIX в.⁶ В 1939 г. была опубликована переписка Ришельё первых лет Реставрации с маркизом Р.-Ё. д'Осмоном, послом Франции в Лондоне⁷. Генерал Рошешуар оставил воспоминания о периоде Реставрации, вышедшие много лет спустя после его смерти⁸.

* * *

Армии антифранцузской коалиции вступили на землю Францию в январе 1814 г. Австрийцев встречали во Франш-Конте как освободителей. Русские войска без труда вошли в Лотарингию⁹. Повсюду союзники декларировали, что обязуются уважать собственность и строго поддерживать дисциплину. Однако резкое изменение ситуации на полях сражений и успехи Наполеона, который одержал с 10 по 18 февраля четыре победы, осложнили ситуацию. Войска союзников были истощены, и они начали нарушать ими же установленные правила оккупации.

Еще более ситуация усугубилась после «Ста дней», дорого обошедшихся Франции. С июля 1815 г. 1 млн 226 тыс. союзных войск заняли более 60 департаментов. Эта оккупация оказалась еще более жесткой, чем в апреле-мае 1814 г., особенно в провинциях, контролируемых пруссаками, баварцами и вюртембергцами. Русские, англичане и австрийцы вели себя более дисциплинированно. «Нынешняя сложность заключается в том, — писал 8 июля Роберт Касл-

⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Серия 1. Том 8. Май 1814 – ноябрь 1815. М., 1972.

⁵ *Correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo ambassadeur de Russie en France et du comte de Nesselrode depuis la Restauration des Bourbons jusqu' au congrès d'Aix-la-Chapelle. 1814-1818. T 1-2. P., 1897.*

⁶ *Cisternes R., de. Duc de Richelieu. 1818-1821. P., 1898.*

⁷ *Lettres du duc de Richelieu au marquis d'Osmond, 1816-1818. P., 1939.*

⁸ *Rochechouart L.V.L., de. Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. P., 1892.*

⁹ Подробнее см.: Освободительные походы русской армии 1813-1814 гг. в истории России и Европы. М., 2014; Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы. М., 2013.

ри главе кабинета лорду Ливерпулю, – чтобы принудить к умеренности пруссаков и Блюхера. Последний, когда жаловались на его подчиненных, вспоминал о жестокостях Дарю в Пруссии в 1806 г. и отвечал с презрительной иронией: “Как? Разве они делают только это? Хорошего-то они совершают больше”¹⁰. По мнению пруссаков, французы не учли уроков 1814 г. и совершили рецидив, а потому по справедливости заслужили новую военную оккупацию и сопровождавшие ее жестокости. Пруссакам вторили англичане: «Мы захватили Францию, – утверждал видный английский политик Дж. Каннинг. – Франция – это наше завоевание, и мы хотим довести ее до такого состояния, чтобы она не могла даже пошевелиться в течение десяти лет»¹¹.

Генерал Рошешуар вспоминал: «Российский император и даже австрийское правительство были настроены благожелательно по отношению к Людовику XVIII. Напротив, прусские генералы и герцог Веллингтон, распираемые гордостью за победу при Ватерлоо, использовали любой случай, чтобы унижить нас. Пруссия, раздавленная при Йене, стремилась причинить нам всяческие неприятности. <...> Получив возможность отомстить, прусские генералы принялись действовать жестко и без всякого великодушия. Англичане, всегда завидовавшие Франции, будучи не в силах нас завоевать, всячески стремились нас ослабить»¹².

После Ватерлоо иностранцы на протяжении нескольких недель откровенно грабили страну, замещали французских префектов своими военными губернаторами, захватывали казну муниципалитетов и самовольно производили реквизиции как у частных лиц, так и у целых городов. Убийства и насилия, особенно в деревнях, были обычным явлением. «Я думал, что имел честь командовать прусским корпусом, – сказал однажды прусский генерал Йорк, – а на деле я управлял только бандой разбойников»¹³.

Россия с самого начала заняла благожелательную позицию по отношению к побежденной Франции. Император Александр I в специальной инструкции «О целях и задачах русского оккупационного корпуса во Франции», относящейся к сентябрю 1815 г., особо настаивал на необходимости сохранения среди местного на-

¹⁰ Waresquiel E. de, Yvert B. Histoire de la Restauration. 1814-1830. Naissance de la France moderne. P., 2002. P. 147.

¹¹ Ibid.

¹² Rochechouart L.V.L. Op. cit. P. 398-399.

¹³ Waresquiel E. de, Yvert B. Op. cit. P. 25.

селения доброго мнения о русских солдатах¹⁴. Император советовал командующему русским оккупационным корпусом генералу М.С. Воронцову предпринять необходимые меры для укрепления дружеских отношений с местными жителями, чтобы военная оккупация была менее болезненной¹⁵. Правда, Клеменс фон Меттерних так отзывался о действиях русских: «Это мерзкая вещь, война <...> особенно когда ее ведут с 50 тысячами казаков и башкир»¹⁶. Отдельные факты притеснения местного населения русской армией, действительно, связаны в основном с действиями нерегулярных войск — казаков, калмыков и др.

Союзники, прекрасно понимая, что, владея Парижем, они будут держать в руках всю Францию, настояли на военной оккупации столицы. 7 июля исполнительная комиссия и Палаты были распущены, а на следующий день Людовик XVIII под охраной иностранных войск прибыл в Тюильри. На Елисейских Полях лагерем встали казаки, в Булонском лесу — англичане, а пруссаки проводили военные упражнения прямо под окнами короля, на площади Карузель. 12 округов Парижа управлялись генералами союзных армий, подчинявшимися прусскому фельдмаршалу барону Карлу фон Мюффлингу.

С 12 июля 1815 г. в Париже происходили совещания представителей четырех держав по выработке основных положений ультиматума к побежденным. Переговоры шли гораздо сложнее, чем в 1814 г. Британские и особенно прусские эмиссары, самым жестким из которых был Блюхер, стремились навязать Франции максимально тяжелые условия. Пруссия горела желанием отомстить за былые унижения и заставить Францию вернуть даже завоевания Людовика XIV. Бавария, Вюртемберг и Голландия поддерживали ее.

Территориальную целостность Франции в рамках договора от 30 мая 1814 г. отстаивал только император Александр I, полагая, что это необходимо для европейского равновесия. Трем остальным державам Александр советовал проявить благожелательность по отношению к побежденным.

¹⁴ О пребывании русских во Франции см.: Breuillard J. Les Russes envahisseurs et occupants en France (1814-1818) // *Slavica occitania*. Toulouse, 1999. № 8.

¹⁵ Захарова О.Ю. «Я князь, колы сияет дух...». Подольск, 1997. С. 139. См. также: Она же. Генерал М.С. Воронцов: От Бородины до Краона // *Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы*. С. 295-303.

¹⁶ Waresquiel E. de, Yvert B. Op. cit. P. 25.

В меморандуме, подготовленном главой российского внешне-политического ведомства Каподистрией и помеченном 28 июля, подчеркивалось, что война велась не против французской нации, а исключительно против узурпатора. За основу будущих соглашений предполагалось взять трактат от 30 мая, а главной целью коалиции провозглашалось восстановление на троне Людовика XVIII. В заключение Каподистрия советовал коалиции ограничиться следующими мерами: восстановить Шомонский трактат на определенный срок, с оговоркой, что Наполеон и члены его семейства будут навсегда лишены права занимать французский престол; и оккупировать ряд французских крепостей до тех пор, пока французское правительство не обретет, по мнению Европы, стабильности¹⁷. Но подобные предложения не нашли поддержки у остальных держав. Все новые и новые войска союзников вступали во Францию. К середине августа их насчитывалось 1 млн 135 тыс. человек, а в конце этого месяца прибыли и новые полки.

В Париже, как и в департаментах, французское правительство было ограничено в своих действиях. После возвращения короля в столицу, Мюффлинг навязал городу военную контрибуцию в 100 млн франков. Благодаря вмешательству Александра I ее удалось 10 июля сократить на 10 млн.

Кульминацией действий немецкого командования стало решение взорвать Йенский мост, название которого вызывало слишком мучительные ассоциации у пруссаков. Потребовалось непосредственное вмешательство императора Александра, чтобы отстоять его. Вот как описывал это генерал Рошешуар: «Несмотря на протесты иностранных генералов и энергичное противодействие короля и его министров, уже был назначен день [взрыва]. Можно было опасаться волнений, и даже, может быть, вооруженной манифестации парижан. Военный министр приказал мне явиться к королю Пруссии. Я тотчас же прибыл к нему в отель на улице Бурбон. Зная всех его адъютантов, я немедленно получил аудиенцию. В нескольких словах я объяснил королю причину, вынудившую меня явиться к нему». Рошешуар объяснял неправильность решения взорвать мост, поскольку это действие «не могло отменить результатов сражения при Йене»¹⁸. Король ответил: «Генерал, я уже проинформирован о намерениях фельдмаршала князя Блюхера, я

¹⁷ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1995. С. 89.

¹⁸ Rochechouart L. V.L., de. Op. cit. P. 407.

ему передал, что не разделяю его точку зрения и прошу отказаться от своего замысла. Однако, к моему сожалению, я понял, что <...> он настаивает на своем решении, ссылаясь на необходимость защиты чести прусской армии...»¹⁹.

Тогда Рошешуар, понимая, что король не может гарантировать сохранность моста, отправился к герцогу Ришельё. Тот, в свою очередь, поспешил к Александру I. Император, по словам Рошешуара, «возмущенный этим актом вандализма, чреватым серьезными осложнениями, тотчас же направился к королю Пруссии». Герцог Ришельё так изложил Рошешуару содержание разговора между монархами: «Император Александр заявил, что если фельдмаршал Блюхер не подчинится приказу... [не разрушать мост], то он явится собственной персоной на этот мост, и, если у Блюхера хватит дерзости, пусть он его взрывает вместе с императором». В результате Блюхер был вынужден отступить. Йенский мост был спасен и тут же переименован, как и Аустерлицкий мост, получивший название *Jardin des Plantes*²⁰. 9 июля королевским ордонансом всем площадям, мостам и общественным зданиям столицы были возвращены названия, которые они носили на 1 января 1790 г. Это в некоторой степени успокоило Блюхера.

* * *

Предстояло наполнить содержанием мирный договор с Францией. Коллективный ультиматум, выработанный коалицией четырех держав на совещании 16 сентября и сообщенный 20 сентября правительству Людовика XVIII, содержал весьма неприятные для французов условия. Трактат 30 мая в основных чертах оставался в силе, но Франция должна была уступить ряд территорий, срыть крепость Гюнинген, уплатить 600 млн франков в качестве возмещения военных расходов и 200 млн на постройку крепостей вдоль своей границы; она должна была удовлетворить иностранных кредиторов, вознаградить которых обязалась еще по Парижскому договору. Франция была обязана содержать на свои средства в ряде крепостей войска коалиции в течение 7 лет численностью до 150 тыс. человек²¹.

Людовик XVIII и Талейран пытались противодействовать этому проекту, отвергая мысль о новых территориальных уступках.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Дебидур А. Указ. соч. С. 92-93.

Однако 22 сентября Талейрану ответили, что его претензии совершенно неприемлемы²².

Император Александр, недовольный столь тяжелыми для Франции условиями договора, предложил королю заменить главу кабинета Талейрана на герцога Ришельё, дав понять королю, что, если бы Ришельё стал главой министерства, царь попытался бы смягчить условия ультиматума. По свидетельству Рошешуара, «император потребовал, чтобы герцог вошел в министерство короля, заняв пост премьера. Только при этом условии, добавил Александр, он вновь станет другом короля и его страны и будет использовать все средства, чтобы спасти и короля, и Францию, облегчить бремя требований союзников и вернуть Франции то положение, которое она должна занимать в Европе»²³. Александр I прекрасно понимал, что именно такой умеренный деятель, как Ришельё, может стабилизировать ситуацию в стране. 21 сентября вечером Талейран был отправлен в отставку.

Здесь пригодилось дипломатическое искусство Поццо ди Борго, который занимал важную позицию при французском короле, выступал посредником между Александром и Людовиком XVIII и активно вмешивался в вопросы внутреннего управления. «Разве нами все еще управляет корсиканец?» — съязвил по этому поводу один из приближенных Талейрана. Поццо ди Борго в своих донесениях Александру формировал позитивный имидж Франции и постоянно подчеркивал, что для нормализации обстановки в Европе необходимо как можно скорее освободить ее от унижительной оккупации.

Поццо ди Борго выступил против проекта разрушения Франции. Он писал Нессельроде 8 (20) сентября 1815 г.: «Европа будет вершить свою политику в отношении этой великой и несчастной страны (и дай Бог, чтобы она не оказалась гибельной). Даже если предположить, что е. в-ву императору удастся склонить Англию, Австрию и Пруссию к отказу от политики расчленения, не следует, однако, льстить себя надеждой, что упомянутые три державы, изменив путь, изменят и свои замыслы»²⁴.

Вероятно, чтобы помочь королю сохранить лицо, он предложил следующий шаг, который и был сделан: 23 сентября Людовик XVIII обратился к Александру I с официальным письмом, заявляя о своей

²² Там же. С. 94.

²³ *Rochechouart L.V.L., de.* Op. cit. P. 413.

²⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Серия 1. Том 8. С. 499.

решимости отречься от короны, если ее ценой станут позор и унижение Франции. Текст заявления был написан Поццо ди Борго. Оно было сообщено союзным кабинетам и поддержано царем. В письме Людовика XVIII также говорилось: «Если Франция уже не может надеяться на отмену решения, имеющего своей целью ее разрушение, если Ваше Величество останется безучастным и не готовым использовать свое влияние на августейших монархов, что позволяют ему его достоинства, дружба и общая слава, то я без колебаний готов Вам сообщить, что отказываюсь быть инструментом гибели моего народа и скорее отрекусь от престола, чем соглашусь запятнать его древнюю славу этим беспрецедентным соглашением!»²⁵

Для Ришельё предложение возглавить французское правительство не стало неожиданностью: разговоры об этом велись еще с декабря 1814 г.²⁶ Он сопровождал Александра I в Европе, принимал участие в Венском конгрессе, однако накануне своего отъезда в Париж еще не принял окончательного решения, намереваясь прозондировать почву во Франции.

В 1814 г. Франция казалась ему столь же чуждой, как Крым в 1803 г. Вдали от родины он помнил ее такой, какой она уже давно не была. Увидев новую Францию воочию, он написал в Одессу своему сподвижнику, основателю лицея в Одессе аббату Николу: «Национальный характер полностью извращен. У народа появились грубые, непристойные манеры, каких никогда не было. Он стал совсем не религиозным. Высшие классы заняты только тем, что отпихивают друг друга, обогащаются, преследуют свою выгоду: для них все средства хороши. <...> Бюрократия в десять раз хуже, чем в России»²⁷. Когда его спрашивали, не намеревается ли он стать членом Королевского совета, он лаконично отвечал: «Друг мой, неужели вы хотите, чтобы я ввязался в эту драку?»²⁸

В парижских салонах его воспринимали как «полурусского». Его манеры были вовсе не парижскими. Самым удивительным оказалось то, что никто в Париже не расспрашивал его о пребывании в России. Для большинства французов берега Черного моря были частью Татарики, и никто не знал точно, где находится Херсон²⁹.

²⁵ *Welshinger H. Maréchal Ney. 1815. P., 1893. P. 188.*

²⁶ *Waresquiel E. de. Richelieu. P., 2015. P. 211.*

²⁷ *Ibid. P. 213.*

²⁸ *Ibid. P. 214.*

²⁹ *Ibid.*

По словам Рошешуара, Ришельё колебался, узнав об уготованной ему миссии, однако изменил мнение, когда Александр I сказал ему: «Интриганы своими недостойными действиями, губительными для истинных интересов Франции, пытались поссорить меня с королем. Я к ним не испытываю никакого доверия; вы – единственный, кому я доверяю загладить этот акт неблагодарности. Я освобождаю вас от всех ваших обязательств по отношению ко мне при условии, что вы будете служить королю так же, как служили мне. Станьте связующим звеном подлинного союза между нашими странами; я требую этого во имя славы Франции»³⁰. После таких слов, отмечает Рошешуар, герцог не мог отказаться от премьерства. На следующий день, 26 сентября, *Moniteur universel* сообщил о формировании нового кабинета во главе с герцогом Ришельё, занявшим также пост министра иностранных дел.

Ришельё, однако, считал себя неспособным руководить правительством в ставшей чужой для него стране, где он ничего и никого толком не знал. Он был уверен, что не продержится и шести недель, о чем уведомил Талейрана³¹. Однако именно непричастность Ришельё к событиям недавней французской истории делала его идеальной кандидатурой на пост премьера в глазах общества, уставшего от предателей и лицемеров. Главными задачами нового главы правительства были укрепление международных позиций Франции и освобождение ее территории.

Император Александр сдержал свое слово: по его категорическому требованию в текст ультиматума союзников были внесены выгодные для Франции поправки, а французские территориальные потери сведены к минимуму, размер контрибуции сократился с 800 до 700 млн франков. В письме от 17 октября Ришельё поблагодарил царя за помощь³².

29 сентября Ришельё добился новых уступок: он сохранил за Францией города Конде во Фландрии и Живе в Арденнах, предотвратил австрийскую оккупацию Страсбурга, сохранил несколько французских гарнизонов в оккупированной зоне, сократил срок

³⁰ Rochechouart L.V.L., de. Op. cit. P. 413.

³¹ 20 июля Ришельё писал Ш.-М. Талейрану: «Я отсутствовал во Франции 24 года... Я никого и ничего здесь не знаю; мне совершенно непонятна манера ведения дел: всё, что касается администрации, мне неизвестно. <...> Я в меньшей степени, чем кто-либо, способен занимать место в министерстве. <...> Если бы я занял этот пост, уверен, что не продержался бы на нем и полутора месяцев». – *Memoires et correspondances du prince de Talleyrand*. P. 734.

³² Глаголева Е. Дюк де Ришельё. М., 2017. С. 216.

оккупации до трех лет, однако взамен союзники потребовали повысить контрибуцию до 800 млн франков³³.

8 (20) ноября 1815 г. союзники заключили с Францией новый договор, по которому Франция возвращалась к границам 1790 г. Александр I, к тому времени покинувший Париж, настоял на том, чтобы Франция сохранила Эльзас, Лотарингию, Франш-Конте и Бургундию, на которые имела виды Пруссия. Контрибуция была все-таки уменьшена с 800 до 700 млн франков³⁴. В качестве гарантии выплаты денег союзники потребовали уплаты двух взносов по 3,5 млн франков ренты каждый³⁵. В результате Франция должна была уплачивать ежегодный налог в размере 150 млн или, в лучшем случае, 130 млн франков³⁶. В глазах союзников, казна которых была пуста, военная оккупация являлась гарантией исполнения Францией ее финансовых обязательств, а заодно воспринималась в качестве превентивной меры против ее возможных реваншистских намерений.

Главнокомандующим оккупационными частями был назначен герцог А. Веллингтон, а командующим русским корпусом – генерал М.С. Воронцов³⁷. Каждая из четырех великих держав должна была предоставить 30 тыс. человек для оккупационных войск и еще 30 тыс. – все остальные участники коалиции вместе взятые. Итого – 150 тыс., которые должны были размещаться в 18 крепостях. Послы четырех великих держав в Париже образовывали нечто вроде наблюдательного комитета и обязывались извещать герцога Веллингтона о настроениях умов и положении дел во Франции. Россия оставила во Франции 2 пехотные и 1 кавалерийскую дивизии, а также 2 полка казаков³⁸.

Вмешательство Александра I, объяснявшееся его желанием сохранить Францию как противовес Великобритании, Пруссии и Австрии, французы оценили по достоинству. Граф Луи де Моле писал в своих «Мемуарах»: «В 1815 г. Россия защищала от всех не интересы, а само существование нашей злосчастной родины. Если Франция по-прежнему остается Францией, она обязана этим трем людям, чьи имена нельзя никогда забывать: Александру и

³³ Там же. С. 217.

³⁴ Дебидур А. Указ. соч. С. 96.

³⁵ Там же. С. 101-102.

³⁶ *Rochechouart L.V.L., de. Op. cit. P. 455.*

³⁷ Захарова О.Ю. Указ. соч. С. 142.

³⁸ Там же. С. 138.

двум его министрам – Каподистрии и Поццо ди Борго. Англия, Пруссия и Австрия стремились лишь к тому, чтобы ослабить нас. Россия, напротив, была заинтересована в том, чтобы мы остались великой державой»³⁹.

Однако в целом условия второго Парижского договора оказались для Франции тяжелее, чем первого. Подписывая его, Ришельё сказал одному из своих друзей: «Я только что подписал трактат, за который, собственно говоря, я должен был бы нести голову на эшафот»⁴⁰. В тот же день Великобритания, Австрия, Пруссия и Россия торжественно возобновили пакт, заключенный в Шомоне: Франция вновь стала изгоем на международной арене.

Враждебность к Франции остальных держав, по мнению Ришельё, была общим знаменателем их внешней политики. В результате ему приходилось проявлять сдержанность и осторожность. Герцог стремился изменить ситуацию в пользу Франции, формируя ее позитивный имидж за границей. На дипломатические должности он назначил хорошо известных ему людей, способных выступать за границу рупором его идей. В Петербург был отправлен граф де Ноайль; в феврале 1816 г. в Лондон выехал маркиз д'Осмон; в мае в Берлин – маркиз де Бонне; в июле в Вену – граф де Караман. Эти представители элиты Старого порядка принадлежали, как и сам Ришельё, к древним аристократическим родам и, подобно ему, были бывшими эмигрантами и умеренными монархистами.

Ришельё поставил себе целью освободить Францию за три года, как это позволял сделать договор 1815 г. Для него освобождение страны являлось важным шагом на пути восстановления национальной независимости. Достижение независимости было немислимо, по мнению Ришельё, без национального примирения. Руководствуясь здравым смыслом, он не принимал крайностей ультрароялизма и ратовал за умеренный политический курс. Дейтельным его помощником в этом стал Поццо ди Борго. Посланник полагал, что в интересах России иметь сильную Францию. Правда, по его мнению, этого сложно было достичь при короле Людовике XVIII: «Если подумать, что мог бы сделать великий монарх на месте того, кого мы сейчас имеем, то нельзя не сожалеть о таком фениксе»⁴¹.

³⁹ Цит. по: Рэй М.-П. Александр I. С. 317-318.

⁴⁰ Дебидур А. Указ. соч. С. 103.

⁴¹ Цит. по: Куриев М.М., Пономарев М.В. Век Наполеона: люди и судьбы. М., 1997. С. 86-87.

В одном из своих писем Поццо ди Борго без ложной скромности замечает: «Если машина идет не особенно хорошо, то я должен сказать, что она совсем не шла бы без меня»⁴². Действительно, реакционная политика «Бесподобной палаты» смущала иностранные дворы, опасавшиеся, что ультрароялисты ввергнут страну в новую череду потрясений и смут. Это беспокойство оправдывало присутствие иностранных войск во Франции. После нескольких предупреждений, прямо или косвенно исходивших от Поццо ди Борго, Людовик XVIII понял опасность «Бесподобной палаты» и 5 сентября 1816 г. распустил ее.

Весна 1816 г. выдалась дождливой, а весна следующего года – засушливой, что вызвало неурожай и резкий рост цен на хлеб и муку. В июне 1817 г. во Франции начались продовольственные бунты: крестьяне грабили хлебные склады и рынки. В ноябре 1816 г. в частном письме Ришельё сообщал: «Франция кажется раздавленной как физически, так и морально; даже земля отказывается давать плоды, и солнце не хочет помогать урожаю. Урожай винограда был ничтожным почти по всей Франции, урожай пшеницы – средним, и как следствие этого – огромная дороговизна, даже если нет недостатка в продуктах. Я сомневаюсь, что сейчас есть на нашей земле народ столь же несчастный, как французы. <...> Они больше не способны ни к чему, кроме ненависти. Эта страсть еще необыкновенно сильна <...> и возбуждение здесь такое же сильное, как в 1792 году. <...> Те, кто считают, что с помощью двух или трех декретов одержали победу над двадцатью семью годами революции, просто безумцы»⁴³.

Об оккупации Ришельё с горечью писал: «Не поддается описанию зрелище Франции, раздираемой мародерами. Превосходно лишь поведение России и ее императора; это – образец благородства, умеренности и разумной политики. Но другие армии, за исключением англичан, преступно осуществляют свое право репрессалий. Пруссак, австриец, баварец стремятся извлечь все выгоды из своей победы. Франция изнемогает под гнетом Европы, стремящейся ее раздавить...»⁴⁴

Для урегулирования экономической ситуации Ришельё пригодился опыт управления Одессой: во всех департаментах были

⁴² Слонимский Л.З. Франко-русская политика в начале столетия // Вестник Европы. 1891. № 2. С. 832-833.

⁴³ *Rochechouart L.V.L., de. Op. cit. P. 420.*

⁴⁴ *Ibid. P. 421.*

созданы благотворительные конторы, поддерживалась свободная торговля зерном. Герцог лично проследил за закупкой большого количества хлеба в Северной Америке и на юге России для снабжения армии и Парижа. В результате 420 тыс. квинталов⁴⁵ зерна были отправлены из Одессы в Марсель до 15 мая 1817 г.⁴⁶

Помимо Поццо ди Борго, активную помощь герцогу Ришельё оказывал его племянник генерал Рошешуар, назначенный 16 октября военным комендантом Парижа. Он поселился вместе с дядей и, как ранее в Одессе, взял на себя заведование хозяйством. На посту военного коменданта Парижа он многое сделал для защиты французских интересов перед лицом Пруссии. В частности, именно он отстоял арсенал Венсенского замка, обороняемого двумя сотнями унтер-офицеров во главе с одноногим генералом Пьером Доменилем⁴⁷. Карл фон Мюффлинг прислал к Доменилю парламентаров; один из них пригрозил взорвать крепость в случае отказа капитулировать. «Тогда я начну первым, – заявил комендант. – Мы взлетим на воздух вместе». Окруженный пруссаками и не имея связи с внешним миром, генерал воспользовался помощью некоей дамы из медицинской службы, переправившей в подвязке его письмо к военному министру Кларку с просьбой о подмоге и о присылке в замок доверенного лица. Выбор пал на Рошешуара.

Излагая прибывшему в замок Рошешуару свой разговор с прусским полковником, Домениль сказал, что заявил немцу о своей готовности умереть с теми, кто ему всего дороже. Когда Рошешуар спросил, что означают эти слова, генерал приказал привести свою жену с ребенком, мальчиком трех-четырёх лет, и произнес: «Я мог бы отправить мою молодую жену и нашего единственного ребенка в Париж, но я знаю ее достаточно, чтобы быть уверенным в том, что она разделяет мои чувства и мою любовь к Франции. В момент взрыва она будет в моих объятиях, держа нашего сына, так, как она его держит сейчас. У нас будет одна могила на троих»⁴⁸. Лишь 15 ноября Домениль согласился передать вверен-

⁴⁵ Квинтал — французская единица измерения веса и массы. 1 квинтал – 48,95 кг.

⁴⁶ *Waresquiel E. de. Op. cit. P. 332.*

⁴⁷ Домениль (1776-1832) был тяжело ранен в битве при Ваграме, ему дважды провели ампутацию, после чего он получил прозвище «Деревянная нога». В 1812 г. Наполеон назначил его комендантом Венсенского замка, и в 1814-1815 гг., пока Париж неоднократно переходил из рук в руки, храбрый генерал не сдал свою крепость никому. Русским он ответил: «Отдайте мне мою ногу, и я отдам вам замок!» См.: *Глаголева Е. Указ. соч. С. 225.*

⁴⁸ *Rochechouart L. V.L., de. Op. cit. P. 427.*

ную ему крепость Бурбонам и вышел оттуда со своим гарнизоном под трехцветным флагом⁴⁹.

В 1816 г. император Александр поручил своим советникам Несельроде и Каподистрии изучить внутривосточную ситуацию во Франции, чтобы выяснить, считают ли союзные державы положение в стране достаточно спокойным для начала переговоров о выводе из ее приграничных департаментов оккупационных войск⁵⁰. Ришельё представил императору мемуар, где объяснил, что ситуация во Франции не требует дальнейшего присутствия иностранных войск. Людовик XVIII в посланиях Александру писал о том же. И наконец, Поццо ди Борго тоже подтверждал в своих донесениях слова Ришельё⁵¹.

Для нормализации политической обстановки в стране Ришельё предпринял кадровые перестановки в министерстве. Он отправил в отставку военного министра Кларка и морского министра Бушажа⁵², заменив их соответственно маршалом Гувийон Сен-Сиром и Л. Моле⁵³. Оба пользовались уважением парламента как умеренные политики, что должно было успокоить иностранные державы. Гувийон Сен-Сир провел удачную военную реформу, быстро восстановив французскую армию. Это тоже был аргумент в пользу прекращения оккупации Франции, которую теперь могли защитить свои вооруженные силы. Новое министерство в 1817–1818 гг. успешно работало над восстановлением Франции.

Одной из важнейших задач, стоявших перед Ришельё, была скорейшая выплата контрибуции. Помимо бремени содержания иностранных оккупационных сил, Франция платила 15 млн франков ежемесячной контрибуции. Ожидалось, что расходы 1817 г. составят 1 млрд франков, а поступлений ожидалось всего 700 млн. В октябре Ришельё добился трехмесячной отсрочки по выплате контрибуции, пока не будет решен вопрос о банковском займе.

Возник вопрос: где взять деньги? В своих воспоминаниях мадам А. де Буань, дочь маркиза д'Осмона, хозяйка влиятельного салона в эпоху Реставрации и Июльской монархии, отмечает, что французские банкиры единодушно отказались дать заем. Один из них, Жак Лаффит, заявил Поццо ди Борго, что «Франция не найдет

⁴⁹ Глаголева Е. Указ. соч. С. 226.

⁵⁰ *Cisternes R., de. Op. cit. P. 8.*

⁵¹ *Ibid. P. 9.*

⁵² *Ibid. P. 11.*

⁵³ *Ibid. P. 12.*

ни единого эку, пытаясь разместить займы где-либо в Европе»⁵⁴. Однако Ришельё нашел блестящий выход с помощью банкира Г.-Ж. Уврара, «самого обольстительного из всех авантюристов», как его называл Моле. Ришельё без промедления принял план Уврара, сводившийся к тому, чтобы разместить французские займы в крупные европейские банки. В январе 1817 г. в Лондоне и Париже велись долгие переговоры с европейскими банкирами. 11 февраля 1817 г. Ришельё сообщил Палатам, что оккупационные войска сокращаются на 30 тыс. человек, а контрибуция — на 2,5 млн в месяц, но необходимо продолжить выполнение условий Второго Парижского договора. Лондонский банкир Александр Бэринг и Лабушер, свояк Уврара, представлявший амстердамский банк Хоп, в феврале, марте и июле 1817 г. на выгодных условиях разместили в Англии, Голландии и Германии пятипроцентные французские ценные бумаги на 26 млн франков. Эта акция принесла французскому правительству 315 млн франков дохода. Благодарный Ришельё сказал тогда: «В Европе есть шесть великих держав: Англия, Франция, Россия, Австрия, Пруссия и братья Бэринги». Успешная финансовая операция не только способствовала восстановлению доверия к Франции, но и радикально изменила настрой Европы в отношении урегулирования долгов. Веллингтон, близкий к Бэрингу, стал принципиальным защитником подобной системы⁵⁵.

Эту победу Ришельё одержал вопреки мнению страны и невзирая на резкую критику со стороны ультра во время обсуждения бюджета в парламенте.

В переписке с французскими послами в Лондоне, Петербурге, Берлине и Вене Ришельё неизменно напоминал: следует убедить европейские дворы в том, что необходимости в оккупации Франции больше нет, а состояние страны не вызывает беспокойства за будущее Европы. Более того, союзники по антинаполеоновской коалиции сами стали находить опасным соприкосновение своих солдат с населением страны, где еще жив был дух революции и откуда те могли занести на родину пагубные идеи. Экономический кризис во Франции стал для Ришельё еще одним весомым аргументом, чтобы убедить союзные державы вывести войска, поскольку Франция не выдержит продолжения оккупации ни физически, ни морально, и в стране того и гляди разразится новая гражданская война.

⁵⁴ Boigne A. Mémoires de la comtesse de Boigne. P., 2006. T. 1. P. 611.

⁵⁵ Waresquiel E., de. Op. cit. P. 334.

Еще одна проблема, которую предстояло решить Ришельё – выплата дебиторской задолженности (частных долгов). В марте союзники выставили счет – 1 млрд 600 млн франков! Посчитали всё: цену поставок провианта; долги по выплатам жалования солдатам, в силу мирных трактатов превратившихся в иностранных подданных; оплату пребывания раненых в лазаретах; почтовые расходы. Герцог д'Анал требовал, например, чтобы ему возместили долги, сделанные во времена Генриха IV⁵⁶.

Ришельё был потрясен этой суммой. В письмах послам он сообщал о невозможности выплаты ее и требовал сокращения. Благодаря настойчивости Поццо ди Борго удалось добиться уступки со стороны Нессельроде. Однако Меттерних и Гарденберг упорно отстаивали позиции Австрии и Пруссии, требуя выплаты 200 млн и 150 млн франков соответственно. 10 сентября Ришельё согласился на сумму в 200 млн франков по частным долгам: «Если король хочет еще большего сокращения долгов, пусть этого добивается другой министр, но только не я»⁵⁷.

Торг шел с февраля по март 1818 г. Ришельё в течение целого месяца тратил на него по шесть-семь часов в день. Он доказывал, что Франция не только не способна выплатить такую сумму, но есть риск, что народ восстанет против алчности держав-победительниц. В итоге вместо первоначально запрошенных 1 млрд 600 млн франков Франция должна была уплатить 240 млн 800 тыс. 23 апреля была подписана соответствующая конвенция.

Снова стал вопрос о том, где достать деньги. Ришельё опять пришлось прибегнуть к займам, и он решил разместить на сей раз хотя бы часть ценных бумаг на французском рынке. 30 мая была подписана конвенция с Бэрингом и Лабушером⁵⁸. Гарантии выплаты военной контрибуции в очередной раз предоставил лондонский банк. Эта операция имела неожиданный успех: банковские конторы брали штурмом. В августе 1818 г. рента возросла до 80 франков⁵⁹.

Путь к окончательному освобождению территории был открыт. 25 апреля Ришельё заявил об этом Палате. 25 мая посланники союзных держав оповестили свои правительства о созыве в сентябре 1818 г. конференции в Ахене для обсуждения вопроса о

⁵⁶ Ibid. P. 335.

⁵⁷ Ibid. P. 336.

⁵⁸ Ibid. P. 338.

⁵⁹ Ibid.

выводе оккупационных войск с территории Франции. Место было выбрано отнюдь не случайно: именно в Ахене были подписаны трактаты, окончившие Деволуционную войну в 1668 г. и войну за Австрийское наследство в 1748 г. На конференции присутствовали австрийский и русский императоры, король Пруссии, министры. Ришельё прибыл в Ахен 27 сентября. Танцевали меньше, чем в Вене, а переговоров вели больше. Цель Ришельё заключалась в достижении полного освобождения Франции от иностранных войск и разрушении альянса четырех держав, базирующегося на Шомонском трактате от 1 марта 1814 г.⁶⁰

Между тем с конца мая 1818 г. по Европе ходила записка, составленная бароном де Витролем по просьбе брата Людовика XVIII, графа д'Артуа, в которой утверждалось, что присутствие иностранных войск на территории Франции необходимо для поддержания ее внутривластной стабильности⁶¹, и что с их уходом во Франции может вспыхнуть новая революция. Обеспокоенный Ришельё настоял на немедленной встрече с царем. Она состоялась 29 сентября 1818 г., однако ее результат обескуражил герцога. Александр, уже отошедший от либеральных идей, опасался «катастрофы», считая, что Франция «все еще больна», — сообщал Ришельё в письме королю⁶².

Однако в итоге Ришельё добился своего. Александр I изменил свою позицию. Вечером того же 29 сентября полномочные представители четырех держав, собравшись у прусского представителя князя Гарденберга, известили Ришельё о своем решении вывести оккупационную армию с территории Франции. 2 октября было подписано соглашение, оформленное 9 октября в официальную конвенцию, в которой Людовику XVIII объявлялось, что иностранные гарнизоны покинут французские крепости не позднее 30 ноября того же года. Ришельё отстоял и положение о рекрутском наборе: закон Гувион Сен-Сира позволял увеличить численность армии со 150 до 240 тыс. солдат.

15 ноября пять держав подписали протокол и генеральную декларацию. Правда, в тот же день по инициативе лорда Р. Каслри был тайно возобновлен Шомонский союз⁶³.

⁶⁰ Ibid. P. 341-342.

⁶¹ Cisternes R., de. Op. cit. P. 8-9.

⁶² Waresquiel E., de. Op. cit. P. 342.

⁶³ Ibid. P. 349.

* * *

Оккупация Франции 1814–1818 гг. стала тяжелейшим испытанием для страны, поднявшейся в годы правления императора Наполеона на небывалую высоту и достигшей колоссальной славы, но затем низвергнутой в бездну после гибели Великой армии на заснеженных равнинах России. Впрочем, Россия не только внесла решающий вклад в разгром наполеоновской империи, но и более, чем кто бы то ни было, способствовала скорейшему возрождению Франции, выступив против ее превращения во второстепенную державу и за сохранение ею сильных позиций в Европе. Несмотря на то что герцог Ришельё и генерал Рошешуар, вернувшись на родину и будучи подданными французского короля, в годы Реставрации действовали от имени и во имя Франции, а граф Поццо ди Борго, являясь послом Российской империи во Франции, защищал российские интересы, политика всех троих была согласованной и солидарной, что отражало близость интересов двух стран в первые годы после окончания Наполеоновских войн.

Список литературы

- Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Серия 1. Том 8. Май 1814 - ноябрь 1815. М.: Наука, 1972. [Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka: Dokumenty Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii. Seriya 1. Tom 8. Maj 1814 - noyabr' 1815. M: Nauka, 1972].
- Глаголева Е. Дюк де Ришельё. М.: ЖЗЛ, 2017. [Glagoleva E. Dyuk de Rishel'e. M: ZHZL, 2017].
- Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. [Debidur A. Diplomaticheskaya istoriya Evropy. T. 1. Rostov-na-Donu: Feniks, 1995].
- Европейская дипломатия и международные процессы эпохи Наполеоновских войн. М.: Аспект Пресс, 2012. [Evropejskaya diplomatiya i mezhdunarodnye processy ehpoхи Napoleonovskih vojn. M.: Aspekt Press, 2012].
- Захарова О.Ю. «Я князь, коль сияет дух...». Подольск: Подольская фабрика офсет. печати, 1997. [Zaharova O.Y. «Ya knyaz', kol' siyaet duh...». Podol'sk: Podol'skaya fabrika ofset. pechati, 1997].

- Курьев М.М., Пономарев М.В. Век Наполеона: люди и судьбы. М.: Мирос, 1997. [Kuriev M. M., Ponomarev M. V. Vek Napoleona: lyudi i sud'by. M.: Miros, 1997].
- Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807-1814. М.: РОССПЭН, 2012. [Liven D. Rossiya protiv Napoleona: Bor'ba za Evropu, 1807-1814. M.: ROSSPEN, 2012].
- Освободительные походы русской армии 1813-1814 гг. в истории России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 25-26 марта 2014). М.: ИРИ РАН, 2014. [Osvoboditel'nye pohody russkoj armii 1813-1814 gg. v istorii Rossii i Evropy: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 25-26 marta 2014). M.: IRI RAN, 2014].
- Рэй М.-П. Александр I. М.: РОССПЭН, 2013. [Rej M.-P. Aleksandr I. M.: ROSSPEN, 2013].
- Слонимский Л.З. Франко-русская политика в начале столетия // Вестник Европы. 1891. № 2. [Slonimskij L.Z. Franko-russkaya politika v nachale stoletiya // Vestnik Evropy. 1891. № 2].
- Таньшина Н.П. Карл Осипович Поццо ди Борго // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 67-85. [Tan'shina N.P. Karl Osipovich Pozzo di Borgo // Voprosy istorii. 2008. № 4. S. 67-85].
- Таньшина Н.П. Граф Ш.-А. Поццо ди Борго: корсиканец на русской службе // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. Электронное издание. Материалы ежегодной научной сессии кафедры новой и новейшей истории. М., 2017. С. 26-40. [Tan'shina N.P. Graf Sh.-A. Pozzo di Borgo: korsikanec na russkoj sluzhbe // Aktual'nye problemy novoj i novejshej istorii zarubezhnyh stran. Elektronnoe izdanie. Materialy ezhegodnoj nauchnoj sessii kafedry novoj i novejshej istorii. M., 2017. S. 26-40].
- Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: материалы Международной научной конференции (Москва, 8-11 октября 2012 г.). М.: ИРИ РАН, 2013. [Epoha 1812 goda v sud'bah Rossii i Evropy: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 8-11 oktyabrya 2012 g.). M.: IRI RAN, 2013].
- Boigne A. Mémoires de la comtesse de Boigne. T. 1. Paris: Mercure de France, 2006.
- Cisternes R. de. Duc de Richelieu. 1818-1821. Paris: Calmann Lévy, 1898.
- Correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo ambassadeur de Russie en France et du comte de Nesselrode depuis la

- Restauration des Bourbons jusqu' au congrès d' Aix-la Chapelle. 1814-1818. T. 1-2. Paris: Calmann Lévy, 1897.
- Lettres du duc de Richelieu au marquis d'Osmond, 1816-1818. Publiées par Sébastien Charléty. Paris: Gallimard, 1939.
- McErlean J.* Napoléon et Pozzo di Borgo. 1764-1821. Paris: Editions de Paris, 2007.
- Memoires et correspondances du prince de Talleyrand. Édition intégrale présentée par Emmanuel de Waresquiel. Paris: Robert Laffont, 2007.
- Rochechouart L.V.L., de.* Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. Paris: Librairie Plon, 1892.
- Sédouy J.-A. de.* Le Congrès de Vienne, l'Europe contre la France. Paris: Perrin, 2003.
- Sédouy J.-A. de.* Le concert européen. Aux origines de l'Europe (1814-1914). Paris: Fayard, 2009.
- Histoire de la diplomatie française. Présentation de Dominique de Villepin. Paris: Perrin, 2005.
- Vergé-Franceschi M.* L'ennemi juré de Napoléon. Paris: Biographie Payot, 2016.
- Waresquiel E. de, Yvert B.* Histoire de la Restauration. 1814-1830. Naissance de la France moderne. Paris: Perrin, 2002.
- Waresquiel E. de.* Richelieu. Paris: Perrin, 2015.
- Welshinger H.* Maréchal Ney. 1815. Paris: Plon, 1893.

Natalia P. Tanshina

**RUSSIAN-FRENCH DIALOGUE DURING THE
OCCUPATION OF FRANCE
BY THE ALLIED FORCES IN 1814–1818**

The purpose of the article is the analysis of the policy of the Russian authorities in France during the occupation 1814–1818 by allied forces of the anti-Napoleonic coalition. The occupation of France was a severe trial for the country that rose in the reign of Emperor Napoleon to unprecedented heights and attained an enormous glory. The author of the article researches the action of count Pozzo di Borgo, duke Richelieu and general Rochechouart. All three were connected as with Russia as with France. Even though duke Richelieu and general Rochechouart in the epoch of the Restoration acted in the interests of France and count Pozzo di Borgo, being an Ambassador of the Russian Empire in France, defended

Russian interests, the policy of all three men was coherent and correlated. This was due to the commonality of interests of two countries after the end of the Napoleonic wars.

Keywords: Russian-French relations, occupation France in 1814–1818 years, the regime of the Restoration, Alexander I, Louis XVIII, count Ch. A. Pozzo di Borgo, duke de Richelieu, general L.V. de Rochechouart